

Лариса Романовская

Хорошие дни

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Р69

Иллюстрация на обложке: *Елена Ремизова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Романовская, Лариса Андреевна.
Р69 Хорошие дни : [сборник] / Лариса Романов-
ская. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб,
2026. — 352 с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-189581-5

У Маши, главной героини повести «Хорошие дни», с детства была способность фантазировать, приводящая к самым разным последствиям и ставшая частью ее профессии. Маша — теперь Марь-Сергеевна — работает в детском саду, придумывает вместе с детьми сказки. Но жизнь бывает необычнее фантазии, и однажды среди Машиных воспитанников появляется мальчик — сын некогда очень любимого человека, с которым Машу когда-то связывала общая тайна и чужая смерть. Воспоминания юности бывают грустными и трогательными, веселыми и страшными, но главное — в них все еще живы и верят в долгую хорошую жизнь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-189581-5

© Романовская Л. А., текст, 2026
© Ремизова Е. Е., ил. на обл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ХОРОШИЕ ДНИ

(повесть)

ЧАСТЬ 1

1

Папка с контактами родителей лежала на углу воспитательского стола, из нее топорщились копии свидетельств о рождении, согласия на прививку и черт знает что еще. И все, разумеется, не по алфавиту — как и бывает в кошмарах, когда время сквозь пальцы, когда ЧП на группе. Но именно из-за беспорядка Маше неожиданно повезло и контакты Ильи Ульянова оказались буквально вторыми, не пришлось шерудить весь этот спрессованный информационный хлам.

«Ульянов Илья Станиславович, группа 9».

Поверх девятки — карандашное «12», лихое и четкое, как на обложке Александра Блока. Черт с ним, с Блоком, и с тем Ульяновым, который Ленин, и с тем, который его папа. Нет, блин, при такой фамилии назвать ребенка Ильей?! Ну, спасибо, не Вовой. Да хоть бы и Вовой. Не сейчас.

Внутренний филолог наконец заткнулся, Маша выдернула из-под скрепки листок с телефонами, лежавший аккурат на копии свиде-

тельства о рождении: мать — Ульянова Анна Петровна, отец — Мыцыков Станислав Антонович... Почему не дать нормальную отцовскую фамилию, без исторических казусов? Без... Станислав Мыцыков, Стась, — редкое сочетание имени, фамилии, даты рождения. Выжил, размножился. Точно же он!

День рождения Стася был когда-то отправной точкой летосчисления — Машиного и покойной Ирки. Это началось в конце прошлого века и оборвалось... Но не сейчас, сейчас важны десять цифр с голубого листка, неизвестно чьих... По ту сторону цифр — молодой женский голос:

— Алло?

— Анна Петровна? Это Мария Сергеевна, летний воспитатель вашего сына. Илье стало нехорошо...

Параллельно в чат старшего воспитателя: «12 группа, Ульянов, температура, кровь из носа, звоню маме». И там прочитано, но не отвечено, а в телефоне почему-то тишина, а потом звонок сброшен, абонент не абонент. Значит, пишем маме в мессенджер и шлем принтскрин старшей, а сами по обстоятельствам.

Обстоятельство сидит на ближайшей кровати, запрокинув голову, с очередной салфеткой у веснушчатого носа. У Стася веснушек не было, значит... Да ни черта не значит: может, в детстве были. А вокруг ходят с интересом ульяновские одноклассники, отчаянно мешая Рафаиловне на-

крывать на столы и приставая к Маше с очевидными вопросами:

- А Илья заболел?
- А его в больницу положат?
- Воспитатель, а как вас зовут?
- А можно я не буду суп?

«А можно я застрелюсь?» Маша надавила на виски, попыталась улыбнуться, села на корточки возле кровати:

— Илюша, я позвонила маме, все будет хорошо.

Илюша, сын Стася, пробухтел что-то в пятнистую салфетку.

В телефоне чирикнуло. Градусник в Илюшиной подмышке отозвался на сигнал вялым «тридцать семь и два». Кругом сплошные цифры, а еще дети, а еще пора обедать.

- А какой сегодня суп?
- А суп сегодня борщ.

А пирожное — мороженое. Привет, Лев Николаич, спорим, твоя Ростова загнулась бы на сборной летней группе?

- Илюша, кушать хочешь? А попить?

За «кушать» Машу лично удавил бы любимый профессор стилистики, «это слово официантов и мамочек» — утверждение конца прошлого века, того самого времени, когда Стась был загадочным, была жива Ирка, когда филологи бухали как кони поручика Ржевского и скажи кто Маше, что через четверть века она будет работать практически по диплому, да

еще и в детском саду, — ржала бы не хуже тех коней.

Рафаиловна дымилась у тележки с супом:

— Мария Сергеевна, первое накрыто, можно!

— Кто меня слышит, хлопните три раза! За стол идут девочки. Сева, ты у нас девочка? Денис тоже сегодня девочка. Только девочки, я сказала! Что? Кира, вспоминай, где ты сидела, я не знаю. Меня с вами утром не было. Ребята, кто помнит, где утром сидела Кира?

Кира вроде обычная, не «тепленькая». «Тепленькие» тут Леша Федченко и Марьям, абсолютно точно. А Ульянов, он же Мыцыков, — вообще непонятно.

Маша приняла группу как партизан — пулеметную очередь: внезапно и вероломно. Утренняя воспитательница, молоденькая и токсикозная, кажется Юлия, сразу после прогулки уплыла в женскую консультацию. «А вы тогда, если хотите, завтра на вторую приходите попозже?» Лучше попозже, а еще лучше никогда, но не дадут.

Желающих на смешанную летнюю группу было не то чтобы в количествах. Но лето — это вообще такое отчаянное время, когда рабочий график составляется тютелька в тютельку, тетенька в тетеньку. И на группу встают все, кто способен держать оружие, дисциплину, тридцать шесть человек в одном помещении и голову в холоде. А в тихий час лайкать отпускные фотки коллег и вот ни разу, нисколько не подумать:

«Вот же твари счастливые!» Иллюзии отпадают, дзен наращивается, деньги за замены падают в ведомость, опыт библиотекаря и педагога дополнительного образования сменяется вот этим, горячечным:

— Ребята, спасибо всем, кто сидит красиво, на вас очень приятно смотреть! На обед у нас сегодня суп — борщ, — салат из огурцов, картофельная запеканка с мясным фаршем, хлеб ржаной, хлеб пшеничный, кисель из клюквы. Всем приятного аппетита!

Все реплики давно выучены наизусть, порядок действий и конец пути — до девятнадцати ноль ноль, до последнего клиента, как в хорошем баре. После обеда запускается обратный отсчет, тридцать шесть превращаются в тридцать два, а если повезет — то в тридцать, а на ужин остаются десять негритят... Но все равно раздвижные кровати ставить негде, утрамбованность как на морском пляже — и жара почти такая же, а Рафаиловна с неудовольствием уносит почти нетронутые тарелки с разъяренным летним борщом.

— А можно я пойду есть? — Илья поднимается с кровати, гундосит в салфетку, надо ее заменить.

Слава богу, раз голодный — значит, не все так страшно.

— Иди сюда, мой хороший... — Рафаиловна ведет Илью, как слепого, к накрытому месту.

Огромная Рафаиловна в белом халате и однотонной шапочке — все как и полагается на

раздаче еды, а заодно в античном мифе о порядках детского сада. Белый халат на воспитателях — атавизм времен советской мультипликации, а помощницы до сих пор их носят на раздаче. И в этом какая-то правильная стабильность. Роза — цветок, смерть — неизбежна, Набоков — гений, в детском саду работают тет-ки в белых халатах. Аминь. И кто там так некрасиво чавкает?

— За Зауrom мама пришла!

— Марь-Сергевна, можно я не буду до-еда-ть?

— Можно, можно! — машет из раздевалки мама Заура. — Мы дома поедим, дома дедушка приехал!

Минус один, здоровья дедушке!

— Марья Сергеевна, вам борща оставить? Все равно выливать, хороший борщ.

— Да, обязательно, спасибо.

В телефоне снова чирик-чирик, старшая воспитательница уточняет положение дел: «103?» — «Пока нет, маме не дозвонилась, 37,4». — «По-наблюдайте». И неожиданно «этот абонент снова в сети», мама Ильи. И долгие гудки, а по-том мужской голос:

— Слушаю?

Стась? Но вслух надо:

— Добрый день, вас беспокоят из детского сада...

— Алло?

— Вы папа Ильи?

— Алло?

— Станислав Антонович?

Абонент шуршит и прерывается.

— А мама придет?

— Илюш, я не знаю. Ты пока поешь, потом отдохни немного. Ребята! Кто поел, несем стулья на свои места. Чем раньше ляжете — тем больше прочитаем! Все поняли? Милана, как мы носим стулья? Нет, не над головой! Кира, покажи Милане, как правильно.

Чирик-чирик... «Скажите Соне одеваться».

— Ребят, у вас в группе есть Соня? Кто Соня, поднимите руку! Спасибо, пока опустили. Сони, кому мама сказала, что заберет после обеда?

— Мне бабушка сказала.

— А мне — мама!

— А мне тоже сказала, только я забыла!

Соня в царстве дива. Группа в царстве Морфея. Алиса в Средиземье, телефон заменного воспитателя — в чате летней группы, погнали.

«Какая у вашей Сони фамилия?» Интересно, это был Стась или не очень?

— Все в туалет сходили? Все легли? Мы с вами продолжаем читать книжку Эдуарда Успенского, сегодня я вам читаю главу шестую, про то, как Вера и Анфиса... Это чьи пятки там торчат?

А ведь знакомство со Стасем началось когда-то именно с пяткок.

У Иркиной квартиры была обычная дурацкая планировка: из прихожей обе комнаты просматривались почти наполовину. Это, конечно, лишь при открытых дверях. И с порога было понятно: если дверь в Иркину комнату открыта, значит, она дома одна, можно прямо с этого самого порога говорить громко и про важное или сразу открывать пиво и безгранично ржать, радуясь территории свободы.

И в тот день, значит, поздним студенческим утром, часа в три пополудни, когда июль бескрайний, времени нет, ночи тоже, и денег практически нет, и сигареты все время заканчиваются, остаются мысли, разговоры, музыка и внезапные действия... Приключения взрослых людей.

В общем, когда Маша ввалилась к Ирке, толкнув открытую, предупрежденную домофоном дверь, еще ничего не было понятно, но из прихожей прекрасно просматривались чужие голые ноги на Иркином отнюдь не моногамном диване. Ноги эти были отчетливо волосатые и загорелые и лежали не на простыне, а на покрывале, а между ними и покрывалом узнаваемо зеленела Иркина же юбка, перекрученная и явно стянутая, когда потребовалось... А когда, где, кто и почему Маше не сказали?

Была предварительная договоренность: Маша когда проснется, тогда и позвонит, а по-

том возьмет купальник и приедет, а полотенце Ирка ей даст свое, и они пойдут на пляж, разумеется не тот, который нудистский, а на нормальный пляж Серебряного Бора, какой-то там по счету, третий, что ли. Маша в Серебряном не была ни разу, а Ирка — повезло человеку — купается каждый день, она даже на последний экзамен приехала с мокрой башкой и чуть ли не с ряской в этой самой башке. Сказала, что всю ночь учила, а с утра сходила окунуться, потому что воды горячей нет. Причем сперва сказала им всем в коридоре, когда ждали выхода отвечающих, а потом, зайдя после Маши, повторила уже препода, доценту Доценко, довольно вредному рыжебородому мужику, спецу по зарубежной. Книги белых бородатых мужчин преподавали белые бородатые мужчины, хотя такой штуки тогда еще не было. А доцент был, и Ирка перед ним им стояла, веселая, в той же зеленой юбке и с влажными волосами.

Ну вот, а теперь, спустя две недели, эта самая юбка была благополучно спущена и валялась под чужими ногами на Иркином диване.

Машу внезапно переклинило: вдруг тут лежит реально доцент Доценко — говорили же, что он клеится к студенткам. Говорили то, что через пятнадцать лет станет #MeToo — не стыдное и одинокое, а злое и откровенное. В общем, Маша подумала такое, почти инцестное, и сама себя испугалась, а потом сообразила, что Доценко — рыжий, а у рыжих мужиков волосы на

ногах тоже обычно рыжие. Более того — ноги доцента она даже видела, в конце июня, когда пришла в деканат сдать зачетку, а он там сидел, прямо в белых шортах, говорил что-то веселое замдеканше Светлане Анатольевне, и та смеялась, а не крысилась и спокойно забрала у Маши зачетку, не проезжаясь насчет прогулов, как обычно. Анатольевна, кстати, тоже была в короткой юбке, и ноги у нее были загорелые, но слишком старые, костлявые, с венами, даже немного неудобно на такое смотреть... Ну вот, ноги, ноги, ноги. Анатольевна (старые страшные), доцент Доценко (бледные с рыжими волосками), Иркины (вначале была зеленая юбка). И вот эти, значит, совершенно посторонние мужские в неожиданном месте посреди летнего времени.

Маша наконец-то вернулась из институтского июня в каникулярный июль того же года и неуверенно сказала:

— А я пива принесла.

— Вот с этого и надо начинать! — отозвалась Ирка, причем неожиданно прямо из кухни.

И вместе со звуками, очевидно, ожили и запахи: с кухни потянуло мясом, совершенно безумным в такую жару.

Мужские ноги зашевелились, потом исчезли из точки обзора. Маша выбралась из босоножек, подхватила звякающий пакет и побрела в кухню, чуть не впечатав его в угол стиральной машины.

— Ирка, а это кто?

— Стась.

Ирка стояла у плиты босиком и в одной футболке. Причем футболка была сильно мужская — большая, белая, не то чтобы очень чистая. Абсолютно незнакомая. И когда Ирка повернулась от плиты, вытащив из мойки три кружки, на футболке обнаружился Че Гевара — черным отпечатком на мятом белом фоне... Команданте местами облупился, фиговая печать, не иначе от вьетнамцев с Савёлки... Но не спросишь же незнакомого парня сразу: «Где ты взял такое говно?» Для первой фразы так себе идея... Особенно если это не твой парень, а парень однокурсницы. И он капец симпатичный (но Маша узнает об этом буквально через минуту, а пока думает, что ноги у него ничего так вроде).

Ирка тем временем отобрала пакет, вытащила из него четыре бутылки «Балтики», три уволокла в морозилку, четвертую поднесла к дверце холодильника, к турецкому магниту-открывашке, уже знакомому Маше по предыдущим визитам. Потом повернулась к мокрым кружкам:

— Требуйте долива после полного отстоя. Стась! Ползи сюда, знакомить вас буду.

— Знакомь, — раздалось у Маши за спиной.

Он уже стоял в проеме кухни. В одних шортах. И, разумеется, не таких теннисно-белых, как у доцента Доценко, а нормальных, серо-голубых, махрящихся у колен, даже вроде не самопал, не из старых джинсов. Ну вот, он в одних

штанах, Ирка в одной футболке, две половинки одного комплекта шмоток, трусы семейные на всю семью, про что Маша и сообщила, наверное. И они благополучно поржали, а потом взяли кружки. Точнее, Маша с Иркой взяли, а Стась мотнул башкой (действительно брюнет, причем давно не стриженный).

— Он вообще не пьет! — почему-то шепотом сказала Ирка.

— Нам же больше достанется.

И надо было дальше трепаться, а ей больше всего хотелось узнать, откуда этот Стась взялся, и еще хотелось смотреть на него — на плечи, и на шею с Иркиным засосом, и на все остальное, что было видно, когда он сидел за кухонным столом. Хотя у Стася не было ни одного тату, они чуть позже появились почти у всех, тату как повод для беседы в неловкой ситуации, а тогда часто выкручивались без них. Ирка торжественно объявила:

— Ты знаешь, где мы познакомились?

— Ну?

— В интернете!

— Ну...

Маша не знала, что сказать. Глянула на Стася в упор, потом отвернулась. Словно он был не настоящим, а вылез, например, из факса, присобаченного к стоящему тут же, на кухне, большому черному телефону. Вот на этот самый телефон Маша и уставилась, а потом снова глянула на Стася, а тот смотрел сквозь Иркину футбол-